

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как было написано «Чинзано»

Шел 1973 год. Вся Москва ломилась на спектакль Володи Салюка «Утиная охота» по Вампилову. Я смотрела его два раза с хвостиком — на третий раз в зале вырубил свет и всех попросили вон. Я была потрясена пьесой и игрой актеров. Буквально дрожала, как кошка, увидевшая птичку. После спектакля познакомилась с исполнителем роли Зилова актером МХАТа Игорем Васильевым. Игорь сказал мне, что прочел мою пьесу «Уроки музыки». Мы тогда не знали, что с этого у нас начнется наш подпольный театр.

Наступил декабрь 1973 года. За прошедшие с лета месяцы (с момента, когда нас выгнали с «Утиной охоты»), мы подружись с Игорем Васильевым. Он таскал меня на свои театральные работы по Ионеско и Беккету. Я присутствовала на его спектакле в комнате, где резали живую рыбу в окружении свечей (рыба определенно издавала звук, когда по ней полоснули ножом; вроде бы в том месте, на колоде палача, колыхнулся воздух), — а текст был основан на дневниках царя Алексея Михайловича, текстах патриарха Никона и протопопа Аввакума. Актеры читали их, как в церкви. Соседи, услышав за стеной певучие молитвенные интонации, для первого раза вызвали милицию, считая, что в квартире утесилась секта. Все шло в полутьме, свечи нагоняли жар и священный трепет, а тут еще смерть рыбы, живого существа... Зрители стояли вдоль стен комнаты. Раз два случались обмороки. Видимо, сейчас этот спектакль собирался народ — тогда он сильно опережал время.

В те поры Игорь уже знал, что мне очень хочется попасть в арбузовскую студию, где собираются драматурги и режиссеры, где читают пьесы. Он поделовому отнесся к моим мечтам о «гнезде» молодых драматургов. Он стал наводить мосты. Разведка донесла, что следующее занятие у них должно состояться восьмого декабря. Мы уже готовились пойти, но вдруг Игорь позвонил, что какие-то люди против того, чтобы мы приходили. Зачем им был нужен еще один новый режиссер? Все правильно.

Но мало, что ли, меня запрещали и не пускали. Ну заведут пружину еще круче. Но ведь будильник когда-нибудь прозвонит! Сразу после этого разговора с Игорем я, дико расстроившись, вдруг подумала, что ведь там будет новая пьеса — ну и у меня, вдали от этого «гнезда», светлого и теплого места, где сидят талантливые люди, по другую сторону от принципа удовольствия и источника разума и вообще Барбизона драматургов, — у меня тут в изгнании в честь этого пусть будет тоже своя пьеса. Они меня не пускают — а у меня тоже будет свой семинар. А какую пьесу написать — а ту, про которую я подумала, идя с «Утиной охоты». История о том, как сын не похоронил мать... Он все истратил на вино «Чинзано».

Я написала «Чинзано» в ту же ночь. Сколько-то времени спустя я ее принесла Игорю Васильеву и прочла. Присутствовал и его актер Афанасий Тришкин. Они не поняли ни-че-го. Только Афоня внезапно рассказал, что они как-то с друзьями пили, к

утру ничего не осталось, стали ждать открытия винного, т.е. одиннадцати часов утра. Дожделись, скинулись по копейке, все выпряли, собрали на бутылку. Послали Афоню. Афоня вышел из норы на Божий свет, увидел солнышко, хороших людей и магазин «Культовары». И, дрожа, решил начать новую жизнь — и взял и купил на все деньги шахматы. На два восемьдесят. Принес семь копеек сдачи и шахматы в вертеп зла и был мигом спущен с лестницы.

Ну они меня и проводили с честью тоже до лестницы, Игорь и Афоня.

Мы тогда, непечатающиеся, все друг другу помогали, и вот некоторый автор, услышав, что я знакома с режиссерами, сунул мне свою пьесу для передачи им. И тут как раз мне позвонил Игорь с предложением принести пьесу, а я ему и скажи, дескать, что да, принесу. (Прошло больше месяца со дня читки.)

Вошла к нему, простодушно достаю рукопись. Игорь берет ее в обе руки и в каком-то священном порыве мне низко кланяется. Потом смотрит на первую страницу — и лицо его меняется в нехорошую сторону.

— Эт-то что вы мне принесли? — спрашивает он довольно остро.

— Пьесу молодого автора, — отвечаю я как ни в чем не бывало.

— А где «Чинзано»? — с претензией спрашивает он опять.

— Дома. Вам же не понравилось.

— Я вас прошу! Немедленно! — говорит он и опять делает поползновение кланяться.

Скоро начали репетировать «Чинзано» — сначала Олег Даль и Валентин Никулин в «Современнике», потом, когда директор их застучал, Игорь начал работать с актерами Эмилем Левиным и Борей Дьяченко. Все это называлось потом «Вечер встречи с молодыми актерами МХАТа». Такой псевдоним спектакля «Чинзано». Играли подпольно, по клубам и НИИ.

Как-то поехали в Ленинград и выступали в Доме актера (Дворец искусств) на Невском. В первом отделении я читала пьесы, второе было «Чинзано». После прочтения «Сцены отравления Мольером» полрядка народу с грохотом поднялись и демонстративно ушли. Это был зрительский актив Дома актера, персональные пенсионеры. Из коридора на освободившиеся

«Чинзано» на первом зарубежном фестивале (Мюнхен, 1989 г.). В гримерке — И. Золотовицкий, С. Земцов, Г. Мануков и Р. Козак (режиссер). В центре — Л. Петрушевская (читает хвалебную рецензию о спектакле, не зная немецкого языка).

нав, когда будет следующий семинар арбузовской студии, решили никого не спрашивать, а просто прийти туда — и все.

Мы вошли и в наступившей тишине сели. Мои товарищи по студии потом со смехом мне говорили, что я на вопрос «вы кто?» буквально провозгласила свою фамилию. Они как бы изображали мою торжественность. Некий пафос. Но это, Господи, было от страха... Арбузов потом прочел мои «Уроки музыки», и встречался со мной, и сказал безо всякой помпы, что ему нечему меня учить. И я возразила ему, что мне надо не учиться, а быть среди своих, среди единомышленников.

Арбузов был великий человек. Великий во всех своих проявлениях. Он никогда не выгонял никого, не снижался до этого, он ждал, что это сделают за него студии. Так обычно и происходило. Но я-то этого не знала!

Мало того, после читки я была жутко разочарована. Что они читают? Что это за пьесы? Главное, потом дружно несут какую-то ахинею, поздравляют автора и огульно хвалят. Просто как малые дети. Как же можно так врать друг другу?

Подождав еще неделю, я возмущилась окончательно. И сюда я рвалась? Когда Арбуз дал мне слово, я сказала все, что думаю. Станным образом вдруг меня поддержали остальные. Разразился скандал. Автор, не ожидавший такого массированного налета, стал отбрасывать, принял позу типа «да кто вы такие». Пьеска была у него чудовищная, на производственную тему, просто и примитивно, на

ГЛОТОК В ТЕАТРАЛЬНОЙ

— Ну валийте ваше «Чинзано». Общий смех и аплодисменты. Все сияют, как будто вместе победили.

Наш Арбуз со всеми был в церемонной дружбе и не унижался до вражды.

И вот первый отчетный вечер нашей студии в большом зале ЦДЛ. Режиссер и ведущий — великий режиссер Анатолий Эфрос (его жена Наташа Крымова была второй, вместе с Арбузовым, наш руководитель). Каждый студиец представлен отрывком или целой пьесой. Играют актеры. «Чинзано» в постановке Игоря Васильева — в конце программы.

Уже пошел первый час ночи, когда на сцену вышли трое в пальто — Игорь Васильев, Эмил Левин и Боря Дьяченко. Пошли первые слова. Эти трое мужчин совершенно не замечали зала. Они были озабочены своим. Говорили не слишком громко и не очень выразительно. И выглядели так, как будто пришли с улицы по своим делам. Выгружали бутылки «Чинзано». Народ стал оглядываться, смеяться и садиться.

Господи, что это была за игра! Никакой театральности, когда «актеры заговорили натуральными голосами, спектакль начался». Игорь Васильев в тот момент спектаклем «Чинзано» начал новый театр.

И Арбузов этот не разрешенный цензурой и не близкий ему по всем параметрам спектакль защищал.

А затем (я уже об этом писала) Эфрос мне как бы заказал второй акт к «Чинзано», и я написала (смеясь про себя) «День рождения Смирновой». Эфрос даже прочел его избранным товарищам, но на том дело и кончилось. Он его не поставил.

В ноябре 1975 года я поехала по разным городам со своими пьесами. Я наметила себе Ленинград и Тарту. Я ехала туда не просто так, а на манер кен-

гуру — со мной в запасном кармане ехал мой будущий сын.

А почему я отправилась в таком плачевном состоянии в это путешествие — незалого до того мне напроорочил один умный врач, что родами я могу умереть. Тромбофлебит. Стронется такой ступок — и все. И под предполагаемый, так сказать, занавес, так сказать, земного пути я поехала по театрам со своими пьесами. У меня оставался-то в Москве ребенок Кириуша одиннадцати лет, да и этот, новый, мог родиться и сразу стать сиротой. Надо было пристроить пьесы.

Совсем запрещенная и безо всякой надежды, я, однако, поехала через Питер к знаменитому эстонскому театральному режиссеру Каарелу Ирду в Тарту, повезла ему пьесу «Чинзано».

Тут надо остановиться и представить себе, что из голодной Москвы я попала туда, где свободно можно было пойти в столовую и получить из раздаточного окошка большой ромштекс в подпалелки с жареной картошкой и зеленым горошком! И недорого, что самое главное. Денег было в обрез, на одну еду в день.

Эти большие котлеты мне даже ночью снились. Поскольку, съев такую роскошь, я вынуждена была с ней расстаться очень быстро. Токсикоз, дамы уже поняли, токсикоз.

Перед Эстонией я побывала в Питере, где для начала посетила ленинградский молодежный театр (неожиданно для администрации), и какой-то новенький режиссер, захваченный мной врасплох, принял меня в своем огромном кабинете. Был поначалу вежлив. Человек приперся из Москвы! Однако затем он ни за что не хотел согласиться с тем, чтобы я прочла ему вслух свою пьесу-сказку «Два окошка». Стоял как стена. Отнекивался мрачно и решительно.

После чего я пошла по Невскому проспекту, размышляя, как я вообще могла подумать, что мои пьесы кому-то будут нужны! На дворе стоял 1975 год. Кто бы знал, что столько мне предстояло ждать...

Дело шло к вечеру. Стоял ноябрь, еще не зажглись фонари. Закат цвета малинового киселя, окрашенного кое-где синими чернилами, горел над городом. Меня тошнило от всего этого.

Я села в поезд и поехала в Тарту. Мне предстоял путь в театр Каарела Ирда.

Коридор с архангелами

В каком виде я дотаскала до Тарту, можно себе представить (в человеке все всегда одинаково: и лицо, и одежда, и мысли). Стоял поздний октябрь — несладкое время в Прибалтике. Дым носился по улицам, дым из труб вместе с сильным ветром и снегом.

Я добрела до театра. Здание было роскошное. Каарела Ирда нет. А где он? Он на репетиции. Можно подождать? Кивнули не сразу.

Он вышел, как какой-то король со свитой. Ученики за плечами с каждой стороны. Немолодой красавец. Все режиссеры — красавцы по определению.

— Кто так-кая, — сказал он, выйдя через КПП в фойе. — Нэт-т. Таких не снаю. Арбузовская студия — не снаю. Нэт-т. Наташа Крымова? Ну снаю. И что? Как-кую пьесу? Нет, нам никак-ких пьес не нат-то.

Разумеется, на хрен им сдались русские пьесы! Пьесы оккупантов!

Тут я повернулась и пошла по этому длинному вестибюлю. Ну нэт-т — так нэт-т. Да мало ли мне отказывали!

И уже когда я была почти у дверей, Каарел Ирда, выдержав длинную (до выхода) паузу, картинно рывкнул:

— Стойте! Стой — раз-два. Я обернулся.

— Хорос-со, — сказал его далекий голос. — Оставьте пьесу.

Я потащила обратно. Как раз в этот момент я уже было в виде утешения начала мечтать об очередном биф-

О пользе эстонского языка для русской культуры

кресла мгновенно хлынули люди без места.

А Олегу Ефремову пришлось письмо от актива ленинградского Дома актера с жалобой на меня. Он им ответил и прочел мне этот ответ. Там упоминались имена великих предыдущих драматургов МХАТа. А в конце стояло: «А будете в Москве, заходите к нам в театр!».

Я сказала:

— Они это письмо должны повесить в рамке у себя в красном уголке.

А потом мне рассказали, что один автор Райкина, Миша Жванецкий, ходит всюду и с большим юмором рассказывает о нашем вечере.

Так вот, возвращаясь к нашему вторжению в арбузовскую студию. Мы с Игорем, уз-

продажу. Но у ребят явно накипело. Малый этот потом исчез и занялся тем, что выпекал по заказу Минкулыта РСФСР одноактовки для сельских клубов — про колхозы (*растущий зам, отсталый пред и в коммунизм идущий дед* — слова Твардовского).

А примерно через полгода у меня была на студии читка. Я должна была читать маленькие пьесы — «Любовь» и «Лестничную клетку». «Чинзано» Арбуз не разрешил. Тем не менее ребята где-то нашли бутылку изпод «Чинзано» и заговорщически поставили ее, наливши туда воды с сиропом, мне на столик. Как некоторый намек. Вот я заканчиваю читать «Клетку». Пауза. Все выжидательно молчат, глядя на бутылку. Хороший ход! Арбуз любил импортные вина.

штексе с горошком. Пошла слона, как у собаки Павлова, оттопая жуткие воспоминания о вчерашних послободенных результатах.

Зверски голодная, я протянула Каарелу Ирду пьесу. Он показал рукой за свое правое плечо:

— Мои ассистенты присутствуют! И ответят вам в тес-сение мес-сяса!

Архангел справа взял у меня рукопись.

Это был явный отказ. Даже в свирепой Москве никто никогда не говорил со мной в таком тоне. Прессерение так и сквошило. Эстонские городские партизаны, движение сопротивления.

Разумеется, мне никто никогда не ответил.

Но спустя два года началось что-то странное. Мне дозвонились из Таллина, из молодежного театра «Ноорсоотеатер». Они хотели ставить «Чинзано» и спрашивали, есть ли у меня разрешение цензуры. «Нету». — А правда, что вы написали второй

по-русски. Рядом будет шпион. А дело в том, что они меня выдвинули за жительницу Эстонии (видимо, польского происхождения) и под этим предлогом вообще не дали Министерству культуры СССР русский оригинал, представили эстонский вариант, а узких специалистов со знанием данного языка в Минкультуре не оказалось. Посему они послали своего человечка проследить, что будет за автор.

Автор сидела и молчала, даже в антракте рта не раскрывала. Тихие эстонские зрители молча глотали слезы... Вытирая их со щеки запросто, тыльной стороной ладоней.

История с пьесой в постановке Романа Виктюка

Все было хорошо, чудный спектакль, на который ходила вся Москва (играли его в ДК

«экзистенциализм», ну да ладно.)

И вот когда меня пригласили в «Современник», я ей, собственно, и собралась отдать главные роли в четырех пьесах («Любовь», «Лестничная клетка», «Анданте» и «Квартира Коломбины»). Еще я наметила себе Авангарда Леонтьева, который меня поразил в каком-то телеспектакле по Диккенсу. Мне хотелось, чтобы эта парочка и играла во всех четырех пьесах.

Роман Виктюк был до тех пор моим очень хорошим другом. Я просыпалась часто от его звонка. Он бодро восклицал:

— Гениальная!!! Я откликнулась! — Мейерхольд-я?

После каждого «Уроков музыки» мы беседовали. Каждая моя — минимальная — просьба исполнялась.

Когда «Уроки» запретили, он поставил «Чинзано» с «Днем рождения Смирновой». Очень хороший спектакль.

журналисты. И явился какой-то безумный корреспондент журналы «Штерн». По-русски он не знал ничего, но в спектакле была сцена, когда ребята играли в войнушку — Игорек Золотовицкий накрывал башку тряпкой, становился на колени и начинал петь «Алла-бишмилла», а остальные в него стреляли и летали вокруг, расставив руки и завывая дурными голосами. А он говорил: «А я в танке». Корреспондент «Штерна», умный парень, тут же сообразил, что это спектакль о войне в Афганистане. И так и написал в своей статье, которая называлась «Большевики» — типа сладкая жизнь у большевиков, по анало-

зале... Хохотали, хлопали... Потом повели по тому знаменитому коридору куда-то. Там дверки в стене, те самые шкафы. В которых прятали арестованных, чтобы они не встречались. Мы боялись ужасно. Приводят в буфет — ешьте все, что хотите. Кусок в горло не лез. Они дали нам денег, дали автобус... Мы поехали в ресторан ВТО и все пропили...

А вот в «Современнике», когда Рома начал репетировать «Квартиру Коломбины», он вдруг резко изменился. На репетиции не звал, бесед никаких не вел. Лия Ахеджакова тоже перестала звонить... Ну и ладно, у меня своих дел было по горло

тор требует застегнуть молнию на штанах актера! На это нет его авторских прав!

Потом мне сказали обратиться к Иону Друцэ. Этот замечательный писатель перед тем запретил свой собственный спектакль в МХАТе. Мне сказали, что ему это удалось.

Он действительно отозвался и сказал, что для этого надо сделать. Послать телеграммы в театр, в управление культуры и т.д., что я прошу снять свою фамилию с афиши.

— Но у вас ведь есть свое собственное оружие, — заметил он. — Вы же писатель. Напишите об этом статью.

Я тут же села и написала. Я предположила, что это идет «Ревизор». И что Хлестаков входит в свой номер и видит, что Осип лежит в его кровати. Далее Хлестаков говорит (к примеру). Текст пока что мой, надо свериться с Гоголем.

Он говорит нарастает (а сам стаскивает сапоги):

— Ой-й... Ну че ж это такой-я... Ой-й. Ну кто же тебе позволил валяться на барской кровати...

Снимает носки.

— Ну ой-й... Кто разрешил прям не знаю-у-у...

Сбрасывает сюртук.

Осип солидно гудит из-под одеяла:

— Нешто я скот, валяться... Мы не валялись... Чай не свиньи, понимаем обхождение... Ни на какой вашей, барин, кровати-и-и...

— Раб есть раб, — поет Хлестаков, снимая штаны, — обманывать, раб, ну как не стыдно-а-а...

— Да не валялись мы... Ой, не валя...

Писк. Хлестаков ныряет под одеяло к Осипу.

Дальнейший разговор идет из-под одеяла.

Текст не меняется.

Итак: название соблюдено. Фамилия Гоголь есть. Слова Гоголя (мой так, в виде рыбы).

Известно, что Николай Васильевич Гоголь уже давно перевернулся в гробу.

Так и закончилось «Чинзано» Виктюка. Говорят, они играли, но без особенного резонанса. Несколько раз.

Тридцать лет выдержки

В 1989 году нас со спектаклем студии «Человек» впервые пригласили на фестиваль в Мюнхен. Немцы в конце орали, скандировали и дружно, сидя, топали ногами.

Потом «чинзаншики» обехали Европу, Америку, побывали и в Латинской Америке, и на Мартинике. Двадцать две страны их пригласили.

До сих пор «Чинзано» и «День рождения Смирновой» ставят то в Швейцарии, то в Польше, то в Турции, то (скоро) в Чехии.

Нет уже на земле нашего дорогого Арбузова. Рано умер замечательный Эмиль Левин. Умер Олег Даль.

А «Чинзано» в немногом другом составе (Манукова сменил сам режиссер, Роман Козак) все еще играет — раз в три месяца... Спектакль стал лучше. Не потеряв юмора, приобрел в трагичности. Играют его уже не юнцы, но зрелые актеры. Декан актерского факультета Школы-студии МХАТа Сергей Земцов, популярный театральный и киноактер Игорь Золотовицкий, главный режиссер Театра им. Пушкина Роман Козак.

8 декабря 2003 года исполнилось тридцать лет со дня написания «Чинзано», и в этот день идет спектакль — в театре-студии «Человек» (под управлением Л.Рошкова).

«ЧИНЗАНО»

КУХНЕ

Вчера пьесе «Чинзано» исполнилось 30 лет. А она все ставится. И не только в России

акт к «Чинзано»? — «Правда».

— Пришлите. Ни во что я не верила и никому. Существовал спектакль «Чинзано» Игоря Васильева 1975 года, вполне подпольный, можно сказать, квартирный. На другое надежды не было. И текст я им не стала отправлять.

Но настойчиво и упорно продолжались звонки. Пришлось послать им «Смирнову».

Спасибо тому архангелу за правым плечом Каарела Ирду... Спасибо, собственно, Каарелу Ирду, что он меня остановил, не дал пропасть. Пусть земля ему будет пухом. Через положенное время последовало приглашение на премьеру в Таллин.

Меня встретили эти сдержанные, серьезные эстонские люди, поселили в гостинице. Режиссером была Мерле Карусоо, молчаливая молодая женщина.

Меня привели на спектакль с инструкцией — не говорить

«Москворечье» после запрещения «Уроков музыки»).

Но затем меня закрыли вообще как автора в ДК «Москворечье», запретили именно мои тексты — да и отношения с Ромой сильно ухудшились, когда он поставил в «Современнике» (куда меня позвали, а я привела его с собой как режиссера) спектакль «Квартира Коломбины».

То есть начиналось все великолепно. Я тогда дружила с Лией Ахеджаковой. Она ко мне ходила и читала мои тексты: искала репертуар для своих гастрольных концертов (в просторечии «чес»). Мои дети уже к ней привыкли, не тарасились, мы поили ее чаем. Но дело не шло. Ничего для часа найти ей не удалось. Читать со сцены мои рассказы? О самоубийцах, алкоголичках, абортках? Всю эту чернуху? (Правда, в других странах это называется

Потом позвонил Игорь Васильев и сказал:

— Есть ребята, которые играют «Чинзано» так, как хотел его поставить я.

И он за мной приехал и повез в театр-студию «Человек». Там Роман Козак поставил спектакль с актерами Игорем Золотовицким, Григорием Мануковым и Сергеем Земцовым.

Спектакль был великолепен, зрители смеялись.

Тем не менее они сделали в тексте одиннадцатый опечаток. Я указала на них. Достали текст. Выяснилось, что это были опечатки машинистки из ВТО.

Засмеялись: — А мы-то пытались оправдать это дело!

Но менять они ничего не стали, мотивируя это тем, что привыкли.

Затем произошел весьма знаменательный эпизод. На «Чинзано» приходило множество иностранцев — режиссеры,

тии с «Дольче вита», со «Сладкой жизнью» Феллини.

Вспомнил КГБ. Они давно и безуспешно пытались получить текст «Чинзано». В Минкульте он был на эстонском языке. После статьи в «Штерне» мне звонили пять человек с просьбой «дать почитать». Я отвечала, что экземпляр потерян.

Можно было бы пойти просто на спектакль, но им нужен был документ, чтобы поставить резолюцию, что ли...

Вслед за тем мне позвонил один мой бывший ученик, который работал с Виктюком в ДК «Москворечье», Саша Почукаев, и сказал:

— Мы вам не хотели говорить... Позавчера играли «Чинзано» в ДК КГБ. Да. Мы вам не сказали, потому что вы бы не согласились. Но они нам позвонили, что устали бегать за текстом... Короче, зал был полный, генералы... Сын

Пельше, сын Андропова в

(дети болеют, рассказы не берут, запрещены «Три девушки»).

И потом он (когда все-таки разрешили «Коломбину») явил миру совершенно новый продукт. Безобидные мои пьесы стали какими-то слегка неприличными. В «Анданте» героиня Ахеджаковой по имени Ау лазила в штаны персонажу по имени Май, а потом садилась с этим Маем в сундук, закрывалась крышечкой, свет пригасал, раздавалась тягучая музыка, после чего Ау выныривала из сундука, вытирая рот.

Это уже начинался новый Виктюк.

А спустя какое-то время меня пригласили в ЦДРИ. Виктюк после долгого перерыва показывал запрещенный спектакль «Чинзано» и «День рождения Смирновой».

Там была одна маленькая деталь — теперь все актеры работали полураздетыми. Девочки до комбинаций, мальчики без верхней одежды, только в штанах. И как-то у актера Саши Берды поползла на джинсах, расстегнулась молния.

Она ползла, ползла... Я сидела, опустивши свою бедную голову. Зрители замерли. Уже никому не был важен текст. Свалются ли джинсы?

В перерыве я подошла к Виктюку. Он выглядел смущенно-довольным, как при большом успехе.

На мой вопрос он дьявольски-весело поднял бровки:

— Люсянетшка! Ну сломалась эта штутштетшка... на молнии что-то...

Я поняла, что это его новый прием.

Что так теперь будет всегда.

Затем до меня дошли сведения, что новый руководитель Театра им. Ермоловой Валерий Фокин покупает «Чинзано» для показа в своем театре.

Я позвонила ему. Фокин был со мной нелюбезен. Изначально раздражен. Конечно, кому понравится, когда автор просит поправить какие-то несущественные детали в костюмах! Да еще в спектакле, за который деньги заплачены!

— Знаете, — жестко сказал он, — вы имеете право только на название, оно не изменилось? Нет. На собственное имя, так? Оно ваше? И на текст. Все остальное? Все остальное — это собственность режиссера!

— Ну тогда яacroю спектакль, — ответила я. Он положил трубку.

Видимо, я позвонила ему в неудачную минуту.

Потом я обращалась к разным людям. Никто толком мне ничего не мог посоветовать. Смешно даже: ав-